

В.А. АНИКИН

СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ НОВОЙ РОССИИ – НЕРАВНЫЕ И РАЗНЫЕ

АНИКИН Василий Александрович – кандидат экономических наук, PhD (Sociology), доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (vanikin@hse.ru).

Аннотация. Статья обобщает и описывает результаты исследования статистической модели классов на данных мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН 2015 и 2018 гг. Классы выделены в рамках комплексного анализа социальной структуры современного российского общества через призму многомерного подхода, в основе которого – немонетарные характеристики возможностей россиян в четырех главных жизненных сферах: экономические условия, производственные отношения, образовательные и медицинские возможности, а также возможности потребления. Использование данного подхода позволило заключить, что Россия представляет собой общество вертикально интегрированных классов. Наиболее привилегированная часть массового российского общества образует группу, относительная численность которой не превышает 13% (так называемый высший средний класс). Еще 47% населения относится к разнообразным (нижним) стратам среднего класса. Остальные 40% населения страны являются депривилированными и попадают в нижние классы.

Ключевые слова: социальное неравенство • социальная структура • классы • средний класс • нижние классы • прекариат • пенсионеры

DOI: 10.31857/S013216250008492-4

В последнее время во всем мире возрос интерес к проблемам неравенства, связанный с нарастанием структурных рисков и турбулентности в западных обществах. Пока одна часть общества борется с возрастающими рисками прекаризации и обеднения среднего класса, страдая от отсутствия средств производства и средств потребления, другая укрепляет свои позиции и увеличивает «отрыв» от основного населения по имеющимся у них «возможностям» и по «результатам» [Аткинсон, 2018]. Эти тенденции с разной интенсивностью наблюдаются во всех развитых обществах, и Россия не является исключением. Последние законодательные инициативы Правительства РФ в сфере социальной поддержки населения, а также дискуссии о прожиточном минимуме свидетельствуют, что проблемы эти начинают осознаться не только экспертным сообществом, но и политическими элитами.

Однако о полном осознании проблемы говорить пока не приходится по ряду причин. Во-первых, в современных обществах роль монетарных механизмов и факторов стратификации существенно ослаблена по сравнению с ролью немонетарных механизмов. Можно иметь ежемесячные доходы выше двух медиан по экономике региона, но при этом испытывать ряд лишений и рисков – скажем, в защищенности на рабочем месте, доступе к качественному образованию и досугу. Во-вторых, политиками и рядом экспертов недооценивается системный характер лишений и рисков у людей в разных сферах (например, наличие множественных долгов, депривация в цифровом неравенстве и проблема доступа к качественной медицине).

Таким образом, поиск простых монетарных решений, направленных на выравнивание «неравенства результатов» (например, введение прогрессивной шкалы налогов или

«раздаток» в пользу пенсионеров), обречен на провал, поскольку не решает сути проблемы – положения индивидов и их семей. Поэтому так важно понимать, какие жизненные шансы (для каких групп) носят фундаментальный характер с точки зрения влияния этих признаков на позицию людей в системе социального неравенства. Наилучшим образом эта задача решается в рамках классового анализа, актуальность которого обусловлена крайним дефицитом исследований по социальному – и тем более классовому – неравенству в постсоветской России в последние годы.

Теория: дискуссия о классах. Дискуссия о классах традиционна для западной социологии. Фактически социология как наука начиналась с вопросов о социальном неравенстве, стратификации и классах. К сегодняшнему дню накоплен достаточный багаж теорий о классах применительно к индустриально развитым обществам. Из наиболее известных стоит отметить неовеберианскую классовую схему Дж. Голдторпа и ее последующее развитие в виде так называемой EGP-схемы¹, неомарксистскую схему Э. Райта, неодюркгеймианскую микроклассовую схему Д. Груски и его коллег².

Данные схемы, в особенности Дж. Голдторпа и Э. Райта, были очень популярны вплоть до 2000-х гг., пока на страницах ряда западных журналов не развернулась дискуссия о том, что «класс мертв». Это было связано с усилением горизонтальной дифференциации в западных обществах, возрастающей роли культурных аспектов социального неравенства и переоценкой объясняющей силы конструктивистского направления в современной социологии.

Дискуссии о классе обрели «новое дыхание», когда в свет вышла монография М. Саваджа и его коллег «Социальный класс в XXI веке» (*Social Class in the 21st Century*) [Savage et al., 2013]. Особенностью данной книги является реализованный в ней так называемый эмпирический (безгипотезный) подход к выделению классов, в основу которого положены современные методы статистической классификации индивидов на базе многомерной матрицы признаков, определяющих вероятность отношения индивида к той или иной группе. М. Савадж и его коллеги использовали ресурсный подход, причем матрица исходных признаков многомерной стратификации ограничивалась всего тремя ресурсами – экономическим, социальным и человеческим, значения которых оценивались по балльной шкале.

Для отечественной социологии, в том числе дореволюционной, вопрос о социальной структуре и о классах традиционно играет большую роль [Беяева, 2010; Заславская, 1997; Ильин, 1996; Нова ли новая Россия, 2016; Тихонова, 2014; Социально-экономическое неравенство..., 2008; Трансформация социальной структуры..., 1998; Черныш, 2012; Шкаратан, 2012]. Контрапункт дебатов в российской социологии касается того, какая модель социальной стратификации [Радаев, Шкаратан, 1996; Тихонова, 2014; Grusky, 2001] сложилась в российском обществе. Эти дискуссии сводятся к вопросу – является ли российское общество классовым или же россияне живут во внеклассовом обществе? В российской науке пока нет единого ответа на данный вопрос. Весьма распространено в современной России убеждение, объявляющее современное российское общество неклассовым. Главный аргумент данной позиции исходит из тезиса о том, что в капиталистическом обществе класс детерминирован через позицию в производстве, регулируемом рынком, однако в постсоветской России условия для этого либо не созданы, либо были существенно деформированы действием нерыночных сил на ранних этапах транзита [Ильин, 1996].

Даже анализируя полярные точки социальной структуры российского общества, мы можем оставаться в рамках классового подхода, если допустить, что поляризация ресурсов и социальных групп происходит из деления российского общества на «сильные и

¹ Аббревиатура EGP образована по первым буквам трех фамилий авторов, которые внесли наибольший вклад в развитие этой схемы: Erikson–Goldthorpe–Portocarero (см.: [Erikson et al., 1979]).

² С более полным обзором этих стратификационных схем на русском языке можно ознакомиться в работах [Куценко, 2000; Тихонова, 2014; Шкаратан, Радаев, 1998].

слабые классы» [Черныш, 2008: 23]. Этот тезис прокладывает путь неомарксистскому анализу социальной структуры российского общества [Черныш, 2012]. Однако отечественная эмпирическая социология пока на этот путь не вступила. Не в последнюю очередь потому, что базовые положения аналитического марксизма очень сложно поддаются операционализации, и детерминация классов становится затруднительной, особенно в точках социальной иерархии, которые характеризуются противоречивыми статусами и высокой гетерогенностью внутреннего состава анализируемых страт.

Отсюда – недавние попытки российских социологов использовать неконфликтную, веберовскую теорию классов, в которой классы понимаются как совокупность людей, находящихся в схожих классовых ситуациях [Аникин, 2018а; Тихонова, 2018]. Классовые ситуации рассматриваются М. Вебером как «типичный шанс по производству благ, внешних жизненных условий, а также накопленного жизненного опыта» [Weber, 1994: 114]. Индивиду и домохозяйства, характеризующиеся тем или иным сочетанием жизненных шансов (возможностей в различных сферах жизни общества), могут считаться классом. Таким образом, задача социальной стратификации по М. Веберу состоит в том, чтобы найти устойчивые сочетания жизненных шансов, заранее операционализовав соответствующие координаты этих шансов.

Методология и эмпирическая база. В данной статье приводятся основные выводы относительно статистической модели классов, построенной на базе апробированной ранее многомерной матрицы из 24 индикаторов, показывающих наличие и отсутствие у россиян возможностей в экономических и неэкономических доменах: экономические условия и производственные отношения, с одной стороны, образовательные и медицинские возможности, а также возможности потребления – с другой³. Как и в работе М. Саваджа, в настоящей статье для поиска наиболее оптимальной классовой модели на основе разработанных показателей был проведен латентный классовой анализ. Однако в отличие от М. Саваджа автор данной работы проводил оценки вероятности классовой принадлежности байесовскими методами (Bayesian latent class analysis – BLCA) [White, Murphy, 2014], а именно методом Монте-Карло по схеме марковских цепей – по схеме Гиббса [Geman, Geman, 1984]. Априорные значения задавались универсальным образом, длина цепи составила 50 тыс. симуляций.

Главный источник эмпирических данных – волны мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН (далее Мониторинг), проведенные осенью 2015 и 2018 гг. по репрезентативной общероссийской выборке. Каждая волна включала 4000 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы и проживающих во всех территориально-экономических районах страны в различных типах поселений. Обе рассматриваемые волны включали широкий спектр вопросов касательно социально-экономического положения россиян.

Динамика классов. Применение BLCA позволило выделить несколько моделей с разным числом классов. В настоящей статье описывается наиболее консенсусная модель стратификации, состоящая из пяти классов, которые включают массовые средние слои страны и относительно узкие «прослойки» снизу и сверху (рис. 1). Стоит еще раз обратить внимание, что речь идет все же об эмпирически установленных «совокупностях» россиян, которые объединены общностью их классовой ситуации – то есть общностью их жизненных шансов и рисков в 24-мерном пространстве. Понятие классов в данной работе используется в значении этих самых эмпирически выявленных совокупностей. Ниже мы вернемся к этому вопросу, а пока будем использовать понятие класса в техническом значении слова.

³ Работа по концептуализации данного подхода и операционализации основных показателей жизненных шансов и рисков была выполнена при непосредственном участии коллег автора С.В. Мареевой, Ю.П. Лежниной, Е.Д. Слободенюк, А.В. Каравай под научным руководством Н.Е. Тихоновой. Подробнее с частью этой работы можно ознакомиться в публикациях [Аникин, 2018а; Тихонова, 2018].

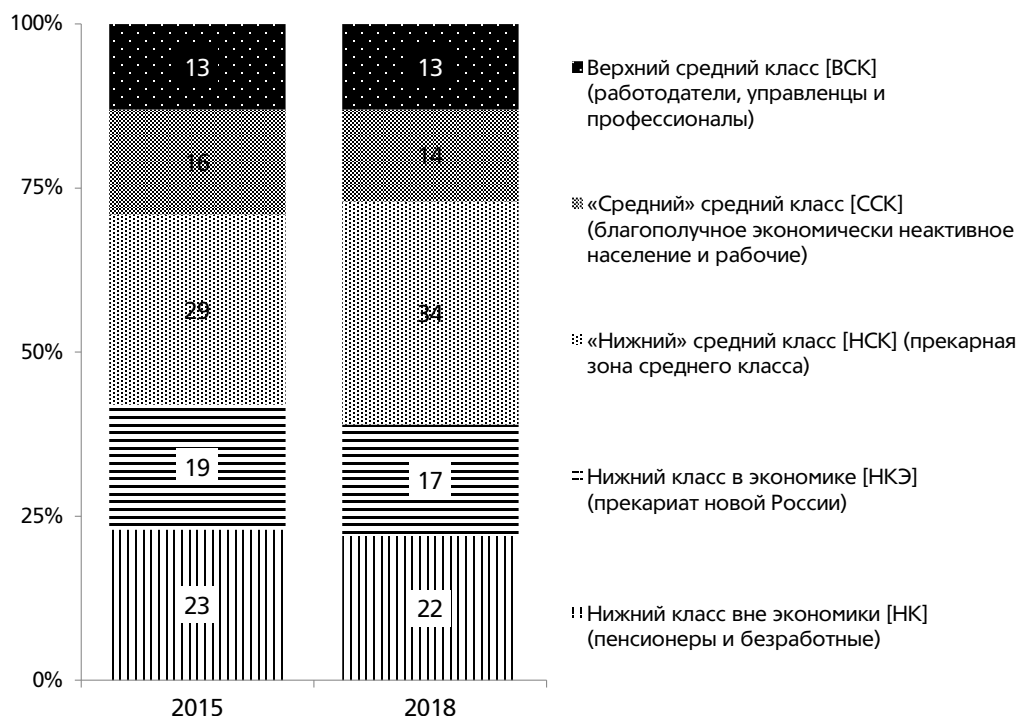

Рис. 1. Динамика социального неравенства в России в 2015–2018 гг.

Как видно из рис. 1, российское общество характеризуется вертикальным срезом социальной дифференциации, а не горизонтальным. Помимо этого, в современной России образовались целые социальные анклавы, положение которых всецело определяется их местом в неэкономических неравенствах.

В российском обществе просматриваются полярные зоны социальных групп – два нижних класса (в общей сложности 42% в 2015 и 39% в 2018 гг.) и один верхний массовый класс, который на деле является верхним средним классом (далее ВСК), насчитывающим в оба года 13% населения⁴. Один из нижних классов является неэкономическим нижним классом (далее НК) и составляет 23 и 22% соответственно. Другой – экономический нижний класс (далее НКЭ) – насчитывает 19 и 17% населения соответственно. Численность НКЭ вполне соответствует полученным ранее оценкам о численности нижних классов в России, хотя они были сделаны на социологических данных десятилетней давности [Лежнина, 2011; Тихонова, 2011].

Положение россиян внизу классовой иерархии обуславливается в основном имеющимися лишениями, а не просто отсутствием возможностей. Для представителей НК ключевым лишением в 2018 г. стала депривация в ИКТ, характеризующая отсутствие доступа к информационным технологиям в повседневной жизни (вероятность связи этого индикатора с принадлежностью россиян к данному классу более 0,6)⁵, а также недоступность необходимого образования (более 0,4) и медицинской помощи (вероятность связи более 0,2).

⁴ Отсутствие высшего класса в данной классификации объясняется тем, что высший класс не попадает в выборки массовых опросов.

⁵ Здесь и далее ошибка вероятности классовой принадлежности для любого класса не превышает 0,05. Вероятность «более 0,2» означает, что посчитанное значение вероятности находится в диапазоне от 0,2 до 0,4; аналогично «более 0,4» соответствует диапазону от 0,4 до 0,6; «более 0,6» – диапазону от 0,6 до 0,8; «более 0,8» – диапазону от 0,8 до 1.

Для членов НКЭ ключевыми лишениями, определяющими их классовую принадлежность, являются несоблюдение законодательства на работе (более 0,6) и проблемы доступа к необходимому образованию и ИКТ в повседневной жизни (более 0,4).

Рассмотрим теперь ВСК. Полученный результат (по крайней мере его количественная оценка) более-менее вписывается в опубликованные ранее коллегами данные о ядре среднего класса, которое, по их подсчетам, может достигать до 18% [Средний класс..., 2016]. Можно отнести полученное в ходе нашего анализа значение в 13% к «пессимистичным» оценкам численности ядра среднего класса.

«Ядровой» средний класс занимает самое привилегированное положение в российском обществе (если, конечно, не включать в него малочисленный верхний класс). Классовая принадлежность представителей этой группы с высокой вероятностью (более 0,6) связана как минимум с 4 из 12 индикаторов положительной привилегированности и с вероятностью более 0,2 – уже с 9 из 12. Наиболее сильными по своей связи оказались индикаторы: отсутствие или минимизация эффекта отчуждения в труде по месту работы (вероятность связи более 0,8), наличие навыков существования в цифровой среде (более 0,8), наличие работы, являющейся объектом желаний большинства представителей данного социума (более 0,6), возможность расширенного стилевого товарного потребления (0,6) и даже особая комфортность жилищных условий (более 0,4).

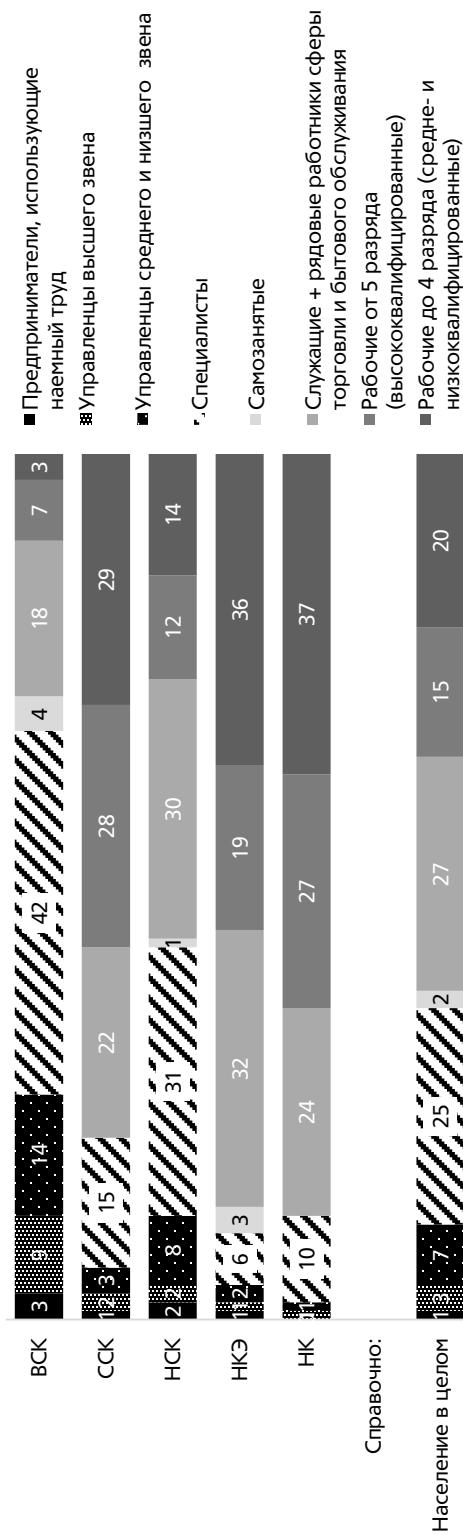
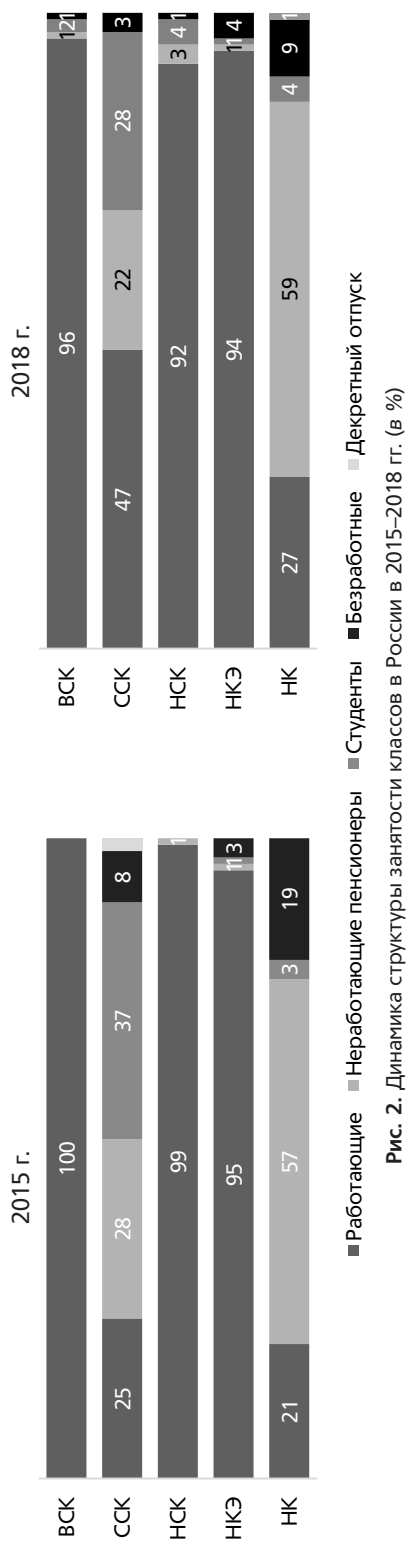
Несмотря на это, положение среднего класса является несколько противоречивым. Это согласуется с теорией аналитического марксизма, согласно которой даже верхний средний класс не может полностью избавиться от отношений эксплуатации на рабочем месте [Wright, 1989]. Так, вероятность членства в ВСК на 20% связана с несоблюдением законодательства на работе и неблагоприятными условиями занятости.

Оставшаяся «середина» населения (45 и 48% соответственно) гетерогенна по составу. Несмотря на то что россияне из этих слоев очень разные, их можно разбить на два подкласса – нижний средний класс (далее НСК) и «средний» средний класс (ССК). НСК характеризуется противоречивым положением, источник которого – в производственных отношениях (см. ниже). Более того, численность НСК с 2015 по 2018 г. увеличилась с 29 до 34%. Представители ССК по своим возможностям занимают более привилегированные позиции, хотя он менее однороден по составу и его численность сократилась с 16% в 2015 до 14% в 2018 г.

Социально-экономический портрет классов. Необходимым условием для того, чтобы называть выделенные группы занятого населения классами в социологическом, а не в техническом смысле слова, является дифференцированное участие этих групп в производстве. Другими словами, предполагается, что разбивка экономически активного населения по классам должна отражать их разные позиции в социально-профессиональной иерархии. Достаточным условием является связь классовой принадлежности с экономическим положением его представителей.

Каков же портрет данных классов с точки зрения социально-экономических характеристик деятельности их основных представителей?

На рис. 2 показаны изменения в структуре занятости рассматриваемых классов за период с 2015 по 2018 г. Видно, что экономически неактивное население страны попадает либо в средний, либо в нижний класс. При этом наибольшие изменения коснулись среднего класса. Так, в ССК увеличилась относительная доля работающих россиян (с четверти до почти половины) – в основном за счет незначительного сокращения доли неработающих пенсионеров и значительного сокращения доли студентов и безработных в составе этого класса. Однако, несмотря на процессы внутренней трансформации средних классов в современной России в пользу наращивания работающей части населения в их составе, ССК остается *якорным социальным классом для студентов*. За счет этого, а также наличия неработающих пенсионеров в составе этого класса, ССК является очень гетерогенным, оттягивая на себя относительно благополучную часть неработающей периферии ядра среднего класса. В отличие от этих россиян менее благополучная часть экономически

неактивного населения, представленная преимущественно неработающими пенсионерами, массово попадает в непривилегированные страты.

Как видно, якорным классом для пенсионеров является НК. Их доля в 2018 г. составила 59% (т.е. 3/5!) от всей численности НК. Также стоит отметить: если в 2015 г. безработные россияне концентрировались в основном в нижних стратах, в 2018 г. их концентрация сократилась в нижних классах более чем в два раза. Это говорит о том, что у безработных, в отличие от неработающих пенсионеров, гораздо больше инструментов для влияния на свой классовый статус (в частности, неэкономического порядка), хотя подавляющее большинство из них находится в группе риска. Вместе с тем тот факт, что неработающие пенсионеры оказываются на дне общества (прежде всего по причине депривации в сфере ИКТ и потребления), ставит вопрос о необходимости дополнить меры монетарной поддержки пенсионеров рядом неэкономических сервисов.

Три других класса – ВСК, НСК и НКЭ – представлены в основном работающими россиянами, особенности классового положения которых определяются качественными показателями занятости, их востребованностью на рынке труда, сложностью выполняемой работы, содержанием и характером труда.

Рис. 3 дает картину специфики содержания и характера труда работающих представителей разных классов в сравнении со средними показателями по России. Связь классовой принадлежности и профессиональной деятельности носит практически линейный характер. Другими словами, классификация работающего населения опосредуется отношениями занятости россиян и спецификой их положения на рынке труда, что соответствует классическому представлению о классах, заложенному в ядре неовебериянской теории, разработанной для классификации индустриально развитых обществ (например, в той же EGP-схеме).

Рис. 4 представляет возможность понять, что отражением социальной нормы работающего населения с точки зрения профессиональной композиции его представителей является НСК. В этой нижней страте среднего класса фактически воспроизводятся общероссийские доли профессиональных групп – за исключением размера доли лиц, занятых низкоквалифицированным физическим трудом (всего 14% против общероссийских 20%). Именно это обстоятельство оправдывает наличие слова «средний» в его условном названии.

В современной России лица, занятые физическим трудом, – особенно средние- и низкоквалифицированным – в основном попадают в нижние классы. Так, работающие россияне из НК (27% от его численности) на 64% представлены рабочими, занятыми физическим трудом (в России их не более 35%), и еще на 24% – работниками нефизического труда средней и низкой квалификации (то есть административным персоналом и рядовыми работниками сферы торговли и бытового обслуживания). Обе эти профессиональные категории являются самыми низкооплачиваемыми в современном российском обществе [Аникин, 2018б].

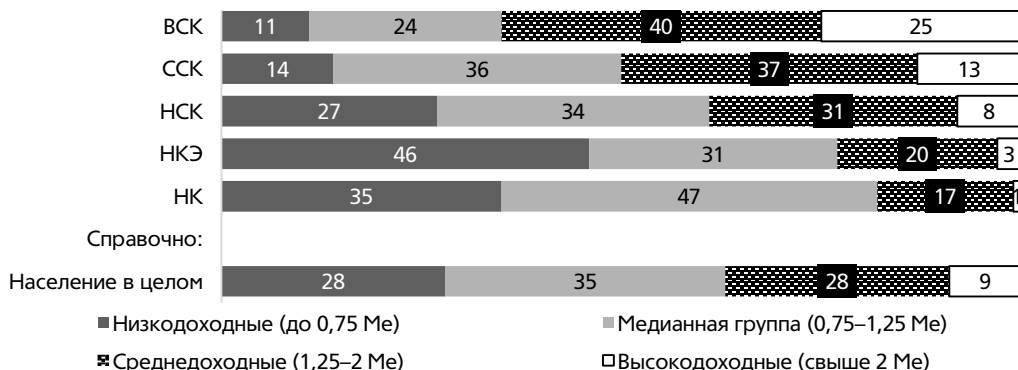

Рис. 4. Доходная стратификация классов в 2018 г. (в %)

Соответственно, драма «внеэкономического» нижнего класса, который, напомним, вбирает в себя более пятой части населения (то есть более 32 млн россиян⁶), состоит в том, что в нем консервируются наименее защищенные и конкурентоспособные граждане нашей страны, дальнейшая судьба которых будет зависеть почти исключительно от внешних факторов и в гораздо меньшей степени от их индивидуальных усилий. Единственная возможность им помочь состоит в опережающем создании программ по интеграции и реинтеграции этих граждан в социум и в систему возможностей неэкономического характера. Ключевые здесь – возможности интеграции в ИКТ и в образовательные услуги. Другим возможным шагом может быть развитие у этой группы россиян ремесленных навыков с их последующей коммерциализацией, а также развитие инфраструктуры рынка – особенно в моногородах советского типа, которые изначально планировались без учета пространств массовой торговли⁷.

Проблема НКЭ (примерно 25 млн чел.) очень схожа с НК в силу почти симметричности профессиональных структур занятого населения этих классов. Специфика профессиональной композиции работающих россиян из НКЭ состоит в том, что при той же доле средне- и низкоквалифицированных рабочих (36%) в этом классе в полтора раза ниже доля квалифицированных рабочих и специалистов, в то время как доля линейного административного персонала составляет почти треть. Другими словами, НКЭ представлен в основном слабозащищенным, легкозаменяемым, низкооплачиваемым рутинным трудом. Учитывая особенность их рисков в производственной сфере, которая отмечена выше, НКЭ можно назвать *прекариатом новой России*.

Классом-антиподом для НКЭ выступает ВСК, представляющий ядро среднего класса. По данным 2018 г., ВСК включает лишь 3% средне- и низкоквалифицированных рабочих. Доля рабочих высокой квалификации превышает в нем долю низкоквалифицированных рабочих более чем в 2 раза, составляя 7%, что вообще не характерно ни для одного класса. Ведь в среднем по России доля средне- и низкоквалифицированных работников относится к доле работников высокой квалификации как 4 к 3. Общая доля лиц физического труда в составе ВСК не превышает 10%. Попадание «рабочей аристократии» в состав верхнего среднего класса не противоречит теории, и этот феномен давно описан в классической литературе по индустриально развитому обществу [Zweig, 1961].

Класс ВСК представлен высококвалифицированной рабочей силой, обладающей широкими возможностями во внеэкономических и экономических сферах, которые при этом благополучно реализовываются. В этом классе доля россиян, чье материальное положение улучшилось, согласно их собственным оценкам в 2018 г., составляла 30% (в среднем по России таких 11%), в то время как доля тех, у кого, по их собственному признанию, оно ухудшилось, не превышала 10% (в среднем по России их 36%).

Экономическая «твердь» ВСК иллюстрируется данными рисунка 4, на котором показана доходная стратификация классов (в % от населения в целом). Так, 65% состава ВСК – это россияне, среднемесячные доходы которых составляют 125% и выше среднемесячных медианных доходов того населенного пункта, в котором они проживают, при этом у четверти они превышают две медианы. Для сравнения, в среднем по стране россиян с доходами более 1,25 медианы всего 37%. При этом низкодоходных россиян в ядре среднего класса 11% – во многом, это низкооплачиваемые работники в регионах, работающие в сфере образования, науки, культуры, искусства и кино.

НСК является социетальной нормой не только по структуре профессиональной занятости его членов, но и по сложившейся в российском обществе модели доходной стратификации. Россияне из НСК представляют собой средне- и малообеспеченную работающую

⁶ Исходя из того, что численность населения России в 2018 г. составила 146 880 432 чел. Данные ФСГС РФ.

⁷ Стоит отметить, что такие инициативы реализовываются в ряде городов. См., напр.: Проект ремесленной «улицы Никольской» создали в тамбовском моногороде Котовске // ТАСС. 2019. 1 марта. URL: <https://tass.ru/v-strane/6175107> (дата обращения: 31.05.19).

периферию ВСК в силу того, что занимают менее качественные рабочие места. При этом представители ССК – трансфертные группы (студенты), служащие среднего уровня и рабочие – выходцы из более благополучных в экономическом отношении домохозяйств, чем НСК⁸.

Нижние классы, как видно, в большинстве представлены выходцами из бедных и малообеспеченных домохозяйств, что соответствует классическим представлениям о нижних классах. НК представлен в основном малообеспеченными россиянами, НКЭ – в массе своей бедные россияне (доля низкодоходных групп в их составе доходит до 46%), доходы которых составляют 75% медианных доходов по экономике их населенного пункта. Большая часть этих россиян – жители малых городов и сел, в которых доходные медианы и так занижены относительно общероссийского уровня. Поэтому объективный уровень жизни входящих в состав НКЭ россиян является реальным дном российского общества из-за прекарного характера их труда – этот уровень даже ниже, чем у НК, который представлен в основном неработающими пенсионерами.

Таким образом, в новой России прекарный труд и сопутствующие лишения в экономических и неэкономических сферах куда хуже по последствиям для доходов населения, чем выход на пенсию. Впрочем, одного факта массового попадания пенсионеров в нижнюю часть социальной иерархии достаточно, чтобы поставить вопрос о легитимности сложившегося в России социального неравенства. Не случайно запрос на социальную справедливость много лет является лидирующим и самым острым среди прочих запросов на перемены в российском обществе [Двадцать пять лет..., 2018].

Заключение. Итак, статистический анализ социального неравенства позволяет охарактеризовать Россию как общество полярных классов с гетерогенной «серой» серединой. При этом «центр тяжести» социальной структуры российского общества смещен вниз гораздо сильнее, чем считалось ранее, или как можно было бы заключить по итогам применения одномерных подходов к анализу социального неравенства (например, по той же доходной стратификации, модель которой в России имеет ярко выраженную ромбовидную структуру). Переход к немонетарной многомерной стратификации показывает, что из пяти классов два являются нижними, затянув в свою орбиту почти 2/5 населения России даже в относительно благополучном 2018 г. (в кризисном 2015 г. их было 42%).

Особенность сложившегося в современной России социального неравенства в том, что как минимум один из этих нижних классов имеет ярко выраженную неэкономическую природу, поскольку на 59% состоит из негативно привилегированных получателей трансфертов (неработающих пенсионеров) и на 27% – из той части рабочей силы, которая не интересна рынку даже как «трудовой ресурс». Главная депривация членов этого класса носит неэкономический характер: им не хватает интеграции с ИКТ и доступа к образованию (для кого это актуально), хотя, безусловно, эти россияне испытывают также определенные трудности с поддержанием потребления на приемлемом для большинства населения уровне. Это говорит о том, что монетарные инструменты (безусловно, решающие текущие задачи потребления пенсионеров) абсолютно недостаточны для качественного изменения их места в сложившейся системе социального неравенства.

В отношении группировки занятого населения даже поверхностное их описание, представленное в данной работе, указывает на релевантность подхода «больших классов» [Grusky, Weeden, 2008] к современной России. В пользу этого говорит связь этих классов с профессиональными статусами и их почти линейная связь с доходной стратификацией. Данный результат открывает путь к дальнейшему исследованию полученной в результате применения BLCA социальной структуры, в том числе анализа силы и направления классовых эффектов.

⁸ Подробный анализ гетерогенности российского среднего класса представлен в [Аникин, 2019].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин В.А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018а. № 4. С. 39–67.
- Аникин В.А. Занятость в посткризисной России: роль поселенческих неравенств // Вестник Института социологии. 2018б. Т. 27. № 4. С. 44–63.
- Аникин В.А. Социетальная норма новой России: о чем говорят результаты исследования гетерогенных средних слоев? // Социологическая теория и социальные практики. 2019. № 4 (в печати).
- Аткинсон Э. Неравенство: как с ним быть? М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 2) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 3(97). С. 18–46.
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2018.
- Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.
- Ильин В. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т; ИС РАН, 1996.
- Кученко О.Д. Общество неравных. Классовый анализ неравенств в современном обществе: попытки западной социологии. Харьков: Харьковск. гос. ун-т им. В.Н. Каразина, 2000.
- Лежнина Ю.П. Низший класс в России: роль социальной политики в замедлении процесса его формирования // Журнал исследований социальной политики. 2011. № 9. С. 455–472.
- Нова ли новая Россия? / Под ред. О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова. М.: Универ. книга, 2016.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016.
- Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / Отв. ред. О.И. Шкаратан. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.
- Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24–35.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.
- Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 53–65.
- Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: ИС РАН, 1998.
- Черныш М.Ф. Классовый анализ и современное российское общество // Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: ИС РАН, 2008. С. 9–24.
- Черныш М.Ф. Цивилизационные основания общества и социальная структура // Социологический журнал. 2014. № 3. С. 6–32.
- Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
- Erikson R., Goldthorpe J., Portocarero L. Intergenerational Class Mobility in Three Western Societies: England, France, and Sweden // British Journal of Sociology. 1979. Vol. 30. No. 4. P. 415–441.
- Geman S., Geman D. Stochastic Relaxation, Gibbs Distributions, and the Bayesian Restoration of Images // IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence. 1984. Vol. 6. P. 721–741.
- Grusky D. The Past, Present, and Future of Social Inequality, in Social Stratification // Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / Ed. by D.B. Grusky. Boulder, CO: Westview Press, 2001. P. 1–51.
- Grusky D., Weeden K. Are There Social Classes? A Framework for Testing Sociology's Favorite Concept // Social Class: How Does It Work? / Ed. by A. Lareau, D. Conley. New York: Russell Sage Foundation, 2008. P. 65–90.
- Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Miles A. A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment // Sociology. 2013. Vol. 47. No. 2. P. 219–250.
- Weber M. (1994) Class, Status, Party // Social Stratification / Ed. by D.B. Grusky. Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press, 1994. P. 113–122.
- White A., Murphy T.B. BayesLCA: An R Package for Bayesian Latent Class Analysis // Journal of Statistical Software. 2014. Vol. 61. No. 13. P. 1–28.
- Wright E. Rethinking Once Again the Concept of Class Structure // The Debate on Classes / Ed. by E.O. Wright et al. New York: Verso, 1989. P. 269–348.
- Zweig F. The Worker in an Affluent Society: Family Life and Industry. New York: Free Press of Glencoe, 1961.

SOCIAL CLASSES OF THE NEW RUSSIA: UNEQUAL AND DIFFERENT

ANIKIN V.A.

National Research University Higher School of Economics, Russia

Vasily A. ANIKIN, Cand. Sci. (Econ.), Ph.D. in Sociology, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; Senior Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (vanikin@hse.ru).

Acknowledgements. This study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 17-78-20125.

Abstract. The given paper aims to present results of the posterior multidimensional approach to social stratification of contemporary Russian society. The proposed model of social structure employs the Weberian concept of life chances which has been operationalised over the map of 24 binary items measuring positive and negative privileges of individuals and their households in four major domains of life: economic stability and security, industrial relations, educational and medical opportunities, and economic consumption. Drawing from the Monitoring data conducted by the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences in 2015 and 2019, the study offers a 5-class model. The predictive validity of the final model has been proved by cross-validation procedures which returned 96.2% of correctly predicted posterior probability of class membership for individuals; standard errors for items' probabilities did not exceed 0.05. The detected five socioeconomic classes seem to be vertically integrated and include non-working population normally excluded from the relation-based approach to class analysis. These are as follows (2015 and 2018): disadvantaged (lower) non-economic class (23 and 22%, correspondingly), unprivileged (lower) property class (19 and 17%), two semi-privileged classes – lower middle class (16 and 14%) and true middle class (29 and 34%) – and advantaged (upper middle) class (13%). The obtained results reassess the popular viewpoint that big classes no longer exist in industrially advanced societies (Grusky & Weeden, 2008) and highlight importance of noneconomic forces for multidimensional stratification of Russian society in the post-transition era.

Keywords: social inequality, social structure, social classes, life chances, lower classes, precariat, pensioners, salariat, middle class, the new Russia.

REFERENCES

- Anikin V.A. (2018b) Employment in Post-crisis Russia: the Role of Settlement Inequalities. *Vestnik instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 27: 44–63. (In Russ.)
- Anikin V.A. (2018a) Social Stratification Based on Life Chances: Operationalization for Mass Surveys. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 39–67. (In Russ.)
- Anikin V.A. (2019) Societal Norm of the New Russia: What Are the Results of a Study of Heterogeneous Middle Strata? *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 4 (in print). (In Russ.).
- Atkinson A. (2018). *Inequality: What Can Be Done?* Moscow: «Delo» RANEPA. (In Russ.)
- Belyaeva L.A. (2010) Russia and Europe: Population's Structure and Social Inequality (part 2). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3(97): 18–46. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2008) Class Analysis and Contemporary Russian Society. In: Golenkova Z.T. (ed.) *Modernization of the Social Structure of the Russian Society*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2014) Civilizational Foundations of Society and Social Structure. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3: 6–32. (In Russ.)
- Erikson R., Goldthorpe J., Portocarero L. (1979) Intergenerational Class Mobility in Three Western Societies: England, France, and Sweden. *British Journal of Sociology*. Vol. 30. No. 4: 415–441.
- Geman S., Geman D. (1984) Stochastic Relaxation, Gibbs Distributions, and the Bayesian Restoration of Images. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*. Vol. 6: 721–741.
- Golenkova Z.T. (ed.) (1998) *Transformation of the Social Structure and Social Stratification of the Russian Society*. Moscow: Institute of sociology RAS. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds) (2018) *Twenty Five Years of Social Transformations in the Assessments and Judgments of Russians: Evidence from the Sociological Analysis*. Moscow: Ves' Mir.
- Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (eds) (2016) *The Middle Class in Contemporary Russia. Findings from the Longitudinal Studies*. Moscow: Ves' mir.
- Grusky D. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality. In: Grusky D.B. (ed.) *Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. Boulder, CO: Westview Press: 1–51.

- Grusky D., Weeden K. (2008) Are There Social Classes? A Framework for Testing Sociology's Favorite Concept. In: Lareau A., Conley D. (eds) *Social Class: How Does It Work?* New York: Russell Sage Foundation: 65–90.
- Ilyin V. (1996) *State and Social Stratification of the Soviet and Post-soviet Societies, the 1917–1996s: Evidence from Constructivist and Structuralist Analysis*. Syktyvkar: Syktyvkar University; Institute of sociology RAS. (In Russ.)
- Kucenko O.D. (2000) *The Society of Unequal. Class Analysis in Modern Society: Findings from the Western Sociology*. Kharkov: V.N. Karazin Kharkiv National University. (In Russ.)
- Lezhnina Y.P. (2011) The Lower Class in Russia: the Role of Social Policy in Slowing down the Process of its Formation. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. No. 9: 455–472. (In Russ.)
- Radaev V.V., Shkaratan O.I. (1996) *Social Stratification: A Textbook*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Miles A. (2013) A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. *Sociology*. Vol. 47. No. 2: 219–250.
- Shkaratan O.I. (ed.) (2009) *Socio-economic Inequality and its Reproduction in Contemporary Russia*. Moscow: OLMA Media Grupp. (In Russ.)
- Shkaratan O.I. (2012) *Sociology of Inequality: Theory and Reality*. Moscow: NRU HSE publishing house. (In Russ.)
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (2009) Entropy Analysis as a Method of Non-hypothetical Identification of the Real (Homogenous) Groups. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 52–65. (In Russ.)
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (eds) (2016) *Is New Russia New?* Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2011). The Lower Class in the Social Structure of Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 24–35. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) *Social Structure of Russia: Theories and Reality*. Moscow: Novyj khronograf. (In Russ.)
- Weber M. (1994) Class, Status, Party. In: Grusky D.B. (ed.) *Social Stratification*. Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press: 113–122.
- White A., Murphy T.B. (2014) BayesLCA: An R Package for Bayesian Latent Class Analysis. *Journal of Statistical Software*. Vol. 61. No. 13: 1–28.
- Wright E. (1989). Rethinking Once Again the Concept of Class Structure. In: Wright E.O. et al. (eds) *The Debate on Classes*. New York: Verso: 269–348.
- Zaslavskaya T.I. (1997) Social Structure of the Contemporary Russian Society. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 2: 5–23. (In Russ.)
- Zweig F. (1961) *The Worker in an Affluent Society: Family Life and Industry*. New York: Free Press of Glencoe.

Received: 16.09.19. Final version: 26.11.19. Accepted: 07.12.19.